

150-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.И. НОВГОРОДЦЕВА (1866–1924) (“КРУГЛЫЙ СТОЛ” КАФЕДРЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ПОЛИТОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА И КАФЕДРЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА МГЮУ им. О.Е. КУТАФИНА (МГЮА))

“Круглый стол” кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА) посвящен 150-летию со дня рождения известного философа права, крупного историка политической и правовой мысли, представителя баденской школы неокантианства П.И. Новгородцева (1866–1924).

“Round Table” of the Department of theory of state and law and politology of the law faculty of Moscow state University named M.V. Lomonosov and of the Department of theory of state and law MGLU named O.E. Kutafin (MSLA) dedicated to the 150th birthday of the famous philosopher of law, a major historian of political and legal thought, representative of the Baden school of neo-Kantianism P.I. Novgorodtsev (1866–1924).

Ключевые слова: П.И. Новгородцев, общая теория права, методология юридической науки, философия и социология права, государственно-правовые взгляды, неокантианство.

Key words: P.I. Novgorodtsev, General theory of law, methodology of legal science, philosophy and sociology of law, state-legal views, neo-Kantianism.

25 марта 2016 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся “круглый стол”, посвященный 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева (1866–1924).

В заседании “круглого стола” приняли участие преподаватели юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА)), Российского государственного университета правосудия (РГУП), Российского университета дружбы народов (РУДН).

Заседание “круглого стола” открыл **М.Н. Марченко, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ. Государственно-правовые взгляды П.И. Новгородцева и современность**

Рассматривая государственно-правовые взгляды П.И. Новгородцева и пытаясь соотнести их с современностью, следует, как представляется, исходить из их подразделения на *политико-идеологические, мировоззренческие взгляды* и на развивавшиеся им *научные, сугубо академические* по своему характеру *положения и идеи*. Первые из них ассоциируются главным образом с его политическим мировоззрением и непосредственной общественно-политической деятельностью как одного из членов ЦК партии кадетов и активного борца против большевизма. Вторая группа взглядов и идей П.И. Новгородцева непосредственно связана с его научной деятельностью.

Политико-идеологические взгляды П.И. Новгородцева проявлялись в двух основных направлениях и отношениях, а именно: по отношению к *советскому периоду* развития Российского государства и к *Российскому государству и его судьбе в целом*. Усматривая в Октябрьской революции лишь “разрушительный” и “опустошительный” потенциал, что вполне естественно для авторских мировоззренческих позиций,

П.И. Новгородцев в то же время произвольно упускал все другие стороны и аспекты данного явления (в первую очередь те позитивные моменты, которые виделись организаторами и сторонниками Октябрьской революции с пролетарских позиций). В данном случае имеет место вполне естественное для автора, носителя идей либерально-монархической буржуазии, одностороннее восприятие Октябрьской революции, так же как и порождённое ею советского государства и “умерщвляющего деспотизма советской власти”¹.

Соотнося антимарксистские и антисоветские взгляды и высказывания П.И. Новгородцева с современностью, следует заметить, что, будучи несовместимыми с идеологией советского периода развития Российского государства, они в значительной мере совпадают с идеологическими постулатами постсоветского периода. Основная причина подобного совпадения, вполне очевидно, заключается в замене в 90-е годы советской государственной власти фактическим её антиподом – постсоветской государственной властью.

По-иному обстоит дело с политико-идеологическими взглядами П.И. Новгородцева, касающимися *истории развития и судьбы Российского государства в целом*. Здесь автор в полной мере проявляется не только и даже не столько как носитель и активный проводник буржуазной либерально-монархической идеологии, а сколько как верный сын своего Отечества и истинный патриот. Знамя «завоеваний революции», – писал он, – было достаточно, чтобы разрушить Россию, но оно бессильно её восстановить. Для возрождения России нужно другое знамя – “восстановления святынь”, – и прежде всего восстановления святыни народной души, которая связывает настоящее с прошлым, живущие поколения с давно отошедшими и весь народ с Богом, как жребий, возложенный на народ, как талант, данный Богом народу»².

¹ *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь // *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 580.

² Там же. С. 575.

Данные идеи и рассуждения П.И. Новгородцева имеют не только исторический смысл, но и *современное звучание*, вызванное развалом власти имущими 90-х годов XX столетия своего государства – Советского Союза, а вместе с тем и упадком собственно Российского государства. По-современному звучат, в частности, рассуждения исследования о том, что “воссоздание России может быть совершено только подвигом и порывом *общего национального объединения*, только духом связанности высшими началами и святынями, сознанием ответственности перед целым”³. Принципиально важно при этом, по справедливому рассуждению и логике П.И. Новгородцева, преодоление разрыва между интересами общего, каковыми являются интересы Российского государства, и интересами особенного, в качестве которых выступают интересы политических партий и других участников политического процесса. Интересы государства должны быть выше этих интересов.

Наряду с политико-идеологическими идеями П.И. Новгородцева, касающимися истории и судьбы Российского государства в целом, большое значение в настоящее время имеют также развивавшиеся им *научные по своей природе и характеру идеи и теории*. Большой интерес представляет его трактовка проблем правового государства и демократии. По мнению П.И. Новгородцева, “демократия всегда есть распустье, есть система релятивизма, система открытых дверей, расходящихся в неведомые стороны дорог”. И если “в наши дни, – рассуждал он, – это чувствуется с такой яркостью и осязательностью, то именно потому, что среди народов, живущих под властью демократии, стали обнаруживаться стремления оставить распустье и выйти на какой-либо твердый путь”⁴. К такому выводу, имеющему глобальный, стратегический характер, автор пришел на основе анализа не только соответствующих его времени научных изысканий, но и исторического опыта таких традиционных демократий, как Англия и Франция. Данный вывод относительно недопустимости преувеличения роли демократии, а тем более её абсолютизации в жизни общества и государства касается не только прошлого, но в полной мере распространяется и на настоящее. Это же касается и ряда других выводов и положений, содержащихся в многочисленных научных трудах П.И. Новгородцева.

А.В. Корнев, и.о. зав. кафедрой теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук, проф.

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) – глава московской школы философии права, был профессором Московского университета, одним из основателей партии кадетов, депутатом I Государственной думы. Активно занимался научно-педагогической деятельностью и в эмиграции. Во многом благодаря усилиям П.И. Новгородцева 18 мая 1922 г. был открыт Русский юридический факультет в Праге, который функционировал до 1933 г.

В сферу научных интересов П.И. Новгородцева входили общая теория права, методология юридической науки, философия и социология права.

Политические и правовые идеи П.И. Новгородцева в основном сформировались в 80-е годы XIX в. Магистерская диссертация “Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба” (1897) предопределила философско-правовое мировоззрение молодого ученого на всю жизнь. Творческое переосмысление философии права И. Канта позволило Нов-

городцеву утвердиться в мысли о том, что идея должного обладает независимостью от эмпирики, от того, что мы называем реальностью. Углубляясь в проблему естественного права, он пришел к выводу о самостоятельности этического начала, а от него – к нравственной автономии человеческой личности.

Широкое распространение идей естественного права в дореволюционной России в конце XIX – начале XX в. П.И. Новгородцев расценивает самым положительным образом. Ученый полагал, что это великое дело есть вместе с тем и дело реформы законодательства. Действительно, если признать за естественным правом не только правовой идеал, с которым должно соотноситься позитивное право, а реальный регулятор общественных отношений, то придется пересмотреть содержание абсолютно всех законов, регулирующих как частноправовые, так и публично-правовые отношения.

Хорошо известно, что Новгородцев весьма критично относился к психологической теории права проф. Л.И. Петражицкого. Оставаясь убежденным сторонником естественного права, он был представителем этического нормативизма. Критикуя Петражицкого, Новгородцев писал о том, что пока мы находимся в пределах психологических наблюдений, мы не можем понять природу права. Для того чтобы право стало регулятором, оно должно перейти к этике, к учению о должном, и “только здесь совершается необходимое завершение понимания права как нормативного требования”. По его мнению, нормативное рассмотрение права всегда было скрытым предположением естественно-правовой школы.

Особую ценность представляют рассуждения П.И. Новгородцева в отношении общественных идеалов. Профессора Новгородцева справедливо считают одним из наиболее авторитетных сторонников правового государства. С его точки зрения, формирование правового государства в России необходимо начинать с парламентаризма. Конечная цель правового государства состоит в том, чтобы “создать солидарность власти и народа”.

Позиция П.И. Новгородцева помогает понимать глубокие процессы эволюции общества и государства через призму воплощения неких идеалов. Он полагает, что у человека всегда есть потребность продолжить любую действительность до бесконечности общественного идеала. В этом мире ему суждены вечные искания, суждена история как движение к бесконечной цели, как процесс постоянных перемен, а не эсхатология. В силу этого “в круговороте относительных форм общественная проблема не может найти абсолютного разрешения”⁵. В этом контексте даже правовое государство “не есть венец истории, но есть последний идеал нравственной жизни”⁶.

П.И. Новгородцев был критически мыслящим ученым, но при этом старался быть объективным к иным теориям и взглядам. Например, придерживаясь кантовских методологических позиций, он нередко его критиковал, как, впрочем, Гегеля, Конта, Маркса и многих других. Тем не менее он полагал, что марксизм появился вполне объективно, несмотря на его утопичность. Вместе с тем “идея достойного

⁵ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Об общественном идеале. М., 1917. С. 494.

⁶ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 16.

³ Там же. С. 570.

⁴ Там же.

человеческого существования составляет великую научную правду марксизма”⁷.

Ученый и педагог, П.И. Новгородцев сокрушался по поводу того, что все декларации прав человека не содержат, может быть, главного его права – права на достойное человеческое существование. Пока его не будет, идеи социализма будут побеждать все другие теории.

Будучи уже в эмиграции, в последних своих работах П.И. Новгородцев приходит к пониманию того, что основой возрождения России не могут стать внешние политико-правовые ценности, ею будут лишь выработанные всем предшествующим культурно-историческим развитием религиозные и национальные идеалы⁸.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филос. наук. П.И. Новгородцев как философ права и политический мыслитель

В дореволюционной России существовало две разновидности философии права: позитивистская и метафизическая. Метафизическая философия права в наибольшей степени неслась на себе печать своеобразия русской культуры. Философия права П.И. Новгородцева – тому пример. Главная черта метафизической философии права (она была тесно связана с апофатическим богословием Византии) – поиск смысла жизни человека и человечества. Русские авторы демонстрировали не абстрактное теоретизирование (как многие немцы), а подлинный нравственный порыв в поиске царства Божьего. Метафизическая философия права отразила трагизм русской жизни, в ней мы находим высокий уровень обобщения прошлого и настоящего русского народа, предвосхищение катаклизмов русской жизни в XX в.

Особенностью метафизической философии права был ее синтетический характер, она была тесно связана с религией и искусством. Более того, именно в религиозной философии и искусстве русская философско-правовая мысль часто достигала своего апогея. Так, учение о Богочеловечестве В.С. Соловьева – религиозная доктрина, в которой автор попытался дать свою интерпретацию христианской эсхатологии, казалось бы, далекой от проблем права и государства. Однако именно эсхатологический нерв данного учения задает ту смысловую систему координат, которая точно указывает место политико-правовых проблем в жизни человека. Да, государство и право сопровождают человека от рождения до смерти, политико-правовые институты, проникая во все поры общества и постоянно ставя личность перед нравственным выбором, вносят в его жизнь трагический разлад. Но грозный Левиафан не должен закрывать метафизику человеческого бытия, которое ценно само по себе и представляет собой, так сказать, первичность первого порядка. Государство и право вторичны по отношению к человеческому бытию, они его следствие. Стремление выявить природу государства и права как автономных и самодостаточных образований, как бы не связанных с фундаментальными мировоззренческими проблемами, делает философию права ущербной, ограниченной. Хотя философско-правовая доктрина В.С. Соловьева и носит богословский характер (что у кого-то может вызывать ее неприятие), в ней есть главное: мировоззренческая тема, поиск смысла человеческой жизни.

На этом фоне современная отечественная философия права выглядит, мягко говоря, иначе, в ней почти напрочь

отсутствует мировоззренческий элемент. А ведь главное назначение философии – выстраивание смысловой картины мира, в которой человек нуждается как разумное и нравственное существо. Философское осмысление государства и права и есть стремление понять государство и право в системе смысложизненных координат. Отечественные юристы и философы демонстрируют по большей части позитивистский подход, который сформулировал еще О. Конт: познать можно только свойства вещей, их суть нам недоступна, поиск смысла – химера (метафизика), за которой не следует гоняться. Примерно это мы и наблюдаем в нашей литературе: государство и право рассматриваются через призму юридической догматики, подаваемой на квазифилософском уровне. Дореволюционные философы права (П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, С.И. Гессен, Е.В. Спекторский и др.) – это, как правило, юристы, получившие юридическое образование в российских университетах, но как удивительно тонко они чувствовали философию. Поразительно, но большинство наших юристов, подвизавшихся на ниве философии права, как представляется, глухи к философии и в целом к мировоззренческой теме. В лучшем случае они идут по пути Г. Кельзена или Г. Харта, разбавляя юридико-догматический подход социологическими и естественно-правовыми элементами.

Особенность философии права Новгородцева состояла в том, что он выстраивал свою философию права на основе рассмотрения политико-правовых концепций. Основной его вклад – критический анализ теории либерализма (“Кризис современного правосознания”) и социализма (“Об общественном идеале”). На этом пути Новгородцев достигает подлинно философских обобщений. Правда, его критика марксизма местами выглядит вульгарной, поверхностной: чтобы критиковать учение Маркса по существу, надо обращаться не к его политической теории, а к “Капиталу”, чего Новгородцев не делает (а возможно, и не способен сделать). Следует признать, что философия права Новгородцева – это не вполне самостоятельный тип философствования, не в полной мере оригинальный. Что она будет собой представлять, если из-под нее выдернуть ее фундамент – европейскую политико-правовую мысль? В этом случае от философии права Новгородцева мало что остается. Философия права Гегеля или И.А. Ильина в этом смысле – противоположный пример: они развивают свои идеи “не вширь” (за счет использования идей других авторов), а “вглубь”, расширяя феноменологию государства и права с опорой на собственный интеллектуальный потенциал. Справедливости ради надо сказать, что в XX в. данный тип философствования становится господствующим, так как основные философские идеи уже высказаны, сформулированы и остается только одно – обсуждать их применительно к новым историческим условиям. Например, великий философ современности М. Хайдеггер создает свою онтологию путем интерпретации философии Платона и Плотина.

К числу заслуг Новгородцева следует отнести и то, что он одним из первых дал фундаментальную критику общественной науки как формы социальной мифологии. В XX в., когда государство становится тоталитарным (в том числе демократическое) и подминает под себя общество, колоссально возрастает роль идеологии. Идеология не просто становится социальным мифом, обосновывающим господство государства (так было всегда), в XX в. государство заставляет общественную науку работать на идеологию, общественная наука открыто становится формой идеологии (например, история). Новгородцев убедительно показал, что общественная наука вполне способна переродиться в идеологию, социальный

⁷ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Об общественном идеале. С. 508.

⁸ См.: Новгородцев П.И. Восстановление святынь.

утопизм и в этом качестве стать теоретическим фундаментом деспотизма.

Новгородцев – крупный историк политической и правовой мысли. Отличительная черта его “Лекций по истории философии права” – умение, опуская детали, сформулировать главные идеи, показать логику их развития. Аналогичные курсы, например, Б.Н. Чичерина или Н.М. Коркунова, напротив, изобилуют деталями. Наши советские и постсоветские авторы, писавшие учебники по истории политических и правовых учений, пошли по этому, второму пути. Вместе с тем умением изложить учение, например, Платона или Аристотеля без лишних деталей, выхватив суть, обладает далеко не каждый. Глубокое постижение материала сказывается прежде всего в том, чтобы сложные в теоретическом отношении вещи изложить ясным, доступным языком. Это мастерство и демонстрирует Новгородцев.

Весьма показательна фигура Новгородцева как политического деятеля и политического мыслителя. Он – консервативный либерал, кадет, сторонник правового государства и правовой защищенности личности, сторонник социальных гарантий. По нынешним меркам Новгородцев – левый либерал, что смотрится весьма привлекательно в наше время. Показательно, что на излете советской власти и позднее такие, как Новгородцев, стали как бы знаменем новейшего, постсоветского либерализма, образцами русского западничества и правозащитного движения. И это была, конечно, большая натяжка. Типичный либерал в Российской Империи начала XX в., кадет или тем более октябрист, – это православный патриот и русский империалист, который всегда выступал за сохранение единства страны, ее территориальное расширение, проведение активной внешней политики (в том числе военным способом). Следует напомнить, что один из популярных лозунгов консервативных либералов предреволюционной эпохи – возвращение Константинополя под владычество русского царя, а вместе с ним – контроль над проливами в Средиземном море. Невозможно также себе представить, чтобы лидеры кадетской оппозиции ходили бы, например, в американское или английское посольство жаловаться на российскую власть. В этом смысле наша современная либерально-западническая оппозиция не имеет никакой генетической связи с дореволюционными русскими либералами, а жаль.

Е.А. Фролова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юрид. наук. П.И. Новгородцев как философ и методолог права

Известный философ права, представитель баденской школы неокантианства Павел Иванович Новгородцев показал неизбежные границы исторического объяснения идей и недостаточность для философии права только лишь исторического метода.

Отношение неокантианской философии к историзму и социологизму было сложным ввиду разных методологий последователей критической философии и сторонников исторической школы и социологического направления в праве. Неокантианцы возражали против абсолютизации метода историзма и социологизма в применении ко всем сферам науки и практики. Согласно их подходу, эти способы весьма поверхностно сближают события и факты с теорией. Историк “больше объясняет действительность при помощи идей, чем идеи при помощи действительности”, и, как следствие,

“доктрина урезывается в уровень с эпохой; ее более глубокое, абстрактное и обобщающее значение остается в тени”⁹.

Вместе с тем отстаивать ценностные идеи личности и многое другое вне исторического контекста невозможно. Исторический способ изучения идей допускался сторонниками неокантианской философии наряду с другими относительными методами исследования. При анализе любой политической или правовой теории практически невозможно отделить идеи, порожденные конкретной исторической обстановкой, от идей, выведенных из философских принципов либо унаследованных от прошлого. Иными словами, каждая политико-правовая доктрина имеет конкретно-исторический и одновременно абстрактный характер. Исторический метод достаточен и необходим для объяснения тех идей, которые порождены конкретными общественными условиями (идеи Платона, отражающие противоречия богатых и бедных, аристократии и демократии в античной Греции) или сложились под влиянием предшествующих доктрин (идеи Сократа, повлиявшие на учение Платона).

В то же время исторический метод не универсален. Достаточно поставить вопрос: сохраняется ли политическая доктрина, как таковая, после изменения породивших ее исторических условий или она “живет” только в определенной исторической среде? Философия права ближе других отраслей общественных знаний связана с конкретными, изменчивыми, исторически обусловленными типами, видами, формами государства и права, динамика которых достаточно быстро отражается в политической идеологии общества и нередко зависит от нее. Всегда существует вопрос соотношения необходимого и случайного в политико-правовой доктрине, выясняется, что именно в учениях прошлого имеет преходящий характер, а что обладает неизменным значением.

П.И. Новгородцев ясно показал, что философское изучение правовых идей не касается вопросов их исторического происхождения; оно заключается в обнаружении внутренней ценности и сущности права и государства. Поскольку возникают проблемы системы, догмы, критики политико-правовых доктрин, необходим философский метод. Однако философский способ исследования не исключает исторического и социологического подходов; это “необходимое разделение научной работы, которое ожидает своего синтеза”. Отечественный мыслитель четко отграничивал задачи философского изучения от задач любого другого метода. Во-первых, это систематизация – проверка логических свойств системы, которая выражается “не в примирении всех отдельных элементов доктрины, а в их объяснении при помощи их совокупного изучения”. Сущность этой задачи состоит в том, чтобы отдельные положения рассматривать в общем контексте теории. Во-вторых, это критическая задача, включающая в себя оценку логических достоинств и сравнительный анализ теорий. Эти две задачи можно отнести не только к философскому, но к любому научному изучению; то, что отличает философский способ исследования, заключается в свойстве догматичности. Догматичность – третья задача философского метода. Каждая доктрина есть утверждение, поэтому “существует потребность выяснить значение доктрины с точки зрения принятых нами установок или одушевляющих нас стремлений”¹⁰.

⁹ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 5, 6.

¹⁰ Там же. С. 20. См. об этом: Жуков В.Н. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Гос. и право. 2015. № 9. С. 17–27; Фролова Е.А. Методологические основы неокантианского учения П.И. Новгородцева // Там же. 2012. № 5. С. 68–78.

П.И. Новгородцев обосновывал положение, имеющее ключевое значение для этической теории права: логический и нравственный объем доктрины как системы абстрактных определений шире тех непосредственных реальных поводов, которыми она вызывается к жизни. Отсюда – возможность подвергнуть критике доктрину независимо от исторических предпосылок ее возникновения и развития.

Для философского исследования важно определить общую основу доктрины, которая возвышает ее над сознанием данного времени и, отвечая некоторой общей потребности жизни, делает ее достижением целого ряда эпох. Такой подход философы права, прежде всего неокантианского направления, использовали для раскрытия понятия нравственной сущности права и построения идеалов.

П.И. Новгородцеву принадлежит заслуга обобщения ряда методологических правил, которые применимы к философии права. Прежде всего исследователем должен быть проведен тщательный анализ теории и практики, их связей и соотношений, о которых писал И. Кант в работе «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”»: “Совокупность правил, пусть даже практических, называют *теорией* в том случае, когда правила эти мыслятся как принципы в некоторой всеобщности, и притом отвлеченно от множества условий, которые, однако, необходимо имеют влияние на их применение. Наоборот, *практикой* называется не всякое действие, а лишь такое осуществление цели, которое мыслится как следование определенным, обобщенно представленным принципам поведения”¹¹. Нужно всегда помнить о различии практики и теории: теоретические идеалы никогда не могут быть целиком достигнуты в практических отношениях. Важно не забывать об этом различии и на заключительной стадии исторического изучения идей – при оценке их общего значения.

Позитивно-социологическому исследованию права П.И. Новгородцев противопоставлял нормативно-этическое, сущность которого заключается, по мнению философа права, в том, что нравственность и право изучаются “не только как историческое и общественное явление, но и как внутренне-психическое индивидуальное переживание, как норма и принцип личности. Требовать здесь социологизма также мало уместно, как, например, в математике”¹². Следует отметить, что термин “противопоставляет” употреблен в значении не отрицания сущности позитивизма и социологизма вообще, а только как указание на его недостаточность при изучении философии права.

П.И. Новгородцев вошел в историю политико-правовой мысли с обширными и глубокими исследованиями общества, права, государства, что предопределило оценку его творчества, в том числе и как социолога права. Однако неокантианская методология в лице отечественного философа права, нацеленная на поиск сущностных понятий в социальной сфере, концептуально противостояла историзму и социологизму, стремившихся выявлять природу и закономерности общественных явлений.

В.Н. Корнев, проректор по научной работе, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти РГУП, доктор юрид. наук. *Славянофильство и философия права П.И. Новгородцева*

Славянофильство отражало общую тенденцию стремительного нарастания вражды к гипертрофированному рационализму в науке, в том числе и правовой, которое происходило во второй половине XIX в.¹³

П.И. Новгородцев, отмечая сильное влияние славянофильства на российскую политическую и философско-правовую мысль, писал, что “самые воодушевленные западники, в конце концов сами того не зная, превратились в славянофилов. Углубляясь в учение жизни своего собственного народа и подходя ближе к европейской культуре, они нередко убеждались, что слишком поспешно отрицали самобытные пути России и что Запад не является единственным и безусловным образцом всякого развития культуры”¹⁴.

В контексте заявленного тезиса весьма интересной и показательной представляется эволюция философии права в целом и оценки в связи с этим политико-правовой доктрины славянофильства, которые оказались свойственны концепции выдающегося русского философа права П.И. Новгородцева, поскольку сам он не избежал этой участи, а его научные труды стали отражением общей тенденции переоценки политико-правовых ценностей, произошедшей в либеральных научных кругах после Октябрьской революции 1917 г.

Результаты русских революций, их поучительный и горький опыт заставили П.И. Новгородцева и других известных русских юристов по-новому взглянуть и оценить философско-правовые идеи и социальную доктрину славянофилов.

В развитии взглядов Новгородцева на философско-правовую доктрину славянофилов можно выделить два периода. Первый – до Октябрьской революции. Для него характерно критическое отношение к доктрине славянофильства. После того как свершилась революция в Октябре 1917 г., наступил второй период. В это время П.И. Новгородцев, осознавая крушение исторических ценностей, ищет основания для возрождения России и находит их в религиозно-этических идеалах, которые, как он полагал, в наибольшей степени соответствовали началам и устоям российского народа.

В речи “Идея права в философии В.С. Соловьева”, произнесенной на торжественном заседании Психологического общества в память В.С. Соловьева 2 февраля 1901 г., П.И. Новгородцев соглашался и поддерживал В.С. Соловьева в его критике славянофилов. В целом он также негативно оценивал это направление в политико-правовой мысли России. Вослед В.С. Соловьеву П.И. Новгородцев отмечал, что среди славянофильских фантазий едва ли не самой фантастической была та, согласно которой для русского народа политические права не нужны и не важны. Он подвергал резкой критике известное суждение одного из самых значительных идеологов славянофильства К. Аксакова, который утверждал, что русский народ есть народ негосударственный и поэтому не стремящийся ни к государственной власти, ни желающий для себя прав политических.

П.И. Новгородцев считал, что данное рассуждение не соответствует ни исторической, ни реальной действительности. В этой связи ученый поддерживал вывод В.С. Соловьева о том, что нравственная свобода, требуемая славянофилами для русского народа, без должных гарантий со стороны права и государства остается пустой фикцией. Резюмируя общий ход рассуждений В.С. Соловьева, П.И. Новгородцев отмечал, что их существенный смысл состоял в противопоставлении

¹¹ Кант И. Соч. В 4-х т. (на нем. и рус. яз.). Т. 1 “Трактаты и статьи” (1784–1796). М., 1993. С. 241.

¹² Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. С. 79.

¹³ См.: Корнев В.Н. Некоторые аспекты политико-правовой доктрины славянофильства // Право и политика. 2008. № 9. С. 215–221.

¹⁴ Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. История философии права. СПб., 1998. С. 509.

ставлении Соловьевым неопределенной мечте славянофилов идеал правового государства, выработанный в правовой мысли Западной Европы¹⁵.

Надо сказать, что П.И. Новгородцев, поддерживая В.С. Соловьева, выразил общую оценку славянофильства, которая бытовала в кругах российской либеральной интеллигенции. Славянофильский иррационализм в понимании общества, права и государства противопоставлялся западноевропейскому рационализму с его концепцией правового государства, конституционализмом, правами и свободами человека и гражданина. Здесь уместно привести слова еще одного выдающегося ученого-юриста России С.А. Котляревского, который отмечал, что “мировоззрение славянофилов не могло обосновать начал правового государства, так как оно совершенно не оценивало правовых гарантий... В политическом мировоззрении славянофилов был некоторый теоретический элемент”¹⁶.

Вместе с тем, как показали С. Франк, С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев и другие русские ученые, гипертрофия рационального – это прямой путь к утопизму. Поэтому, как представляется, необходимо весьма точно, аргументированно и осторожно оценивать соотношение рационального и иррационального в философии права. Думается, что здесь нельзя всецело уповать на рационализм, так как реальные жизненные отношения, которые подлежат философско-правовому осмыслению, не поддаются без остатка рационализации, их просто невозможно полностью подчинить математически выверенным формулам. Результатом таких устремлений неизменно будут схематизм и механицизм, которые весьма опасны при использовании их в философии и теории права.

В более поздних работах, вышедших уже после революции, когда появился первый *опыт новой философии права и государства*, отношении П.И. Новгородцева к философско-правовым идеям славянофилов претерпевает серьезное изменение. Он уже совсем иначе оценивает наследие славянофилов и Ф.М. Достоевского. П.И. Новгородцев пересматривает роль и значение философско-правовых и социально-политических концепций славянофилов. Он уже не относит их к ярко выраженным правовым нигилистам. Напротив, П.И. Новгородцев приходит к выводу, что именно ими в их трудах затрагивались наиболее глубокие основы и условия построения правового государства и гражданского общества. По его убеждению, не этническое или хозяйственное единение является основой государственного и общественного единства, а национальная культура, национальные святыни, идеалы истины, добра и красоты. Путь автономной морали и демократической политики в условиях России привел к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь. “Вот почему, – писал П.И. Новгородцев, – мы ставим теперь на место автономной морали теонормную мораль и на место демократии, народовластия – агиократию, власть святынь”¹⁷.

В работе “О своеобразных элементах русской философии права” П.И. Новгородцев подводит итог своей научной деятельности. В ней он много места отводит анализу славянофильской философии права. П.И. Новгородцев с уверенностью относит славянофилов к тем мыслителям, которые заложили оригинальные, самобытные черты русского философско-правового восприятия человека, общества и государ-

ства, развитые в литературе Ф.М. Достоевским, а в юридической науке сторонниками “возрожденного естественного права”, которые стремились преодолеть формализм, косность и бездуховность философского и юридического позитивизма.

Возрождение России П.И. Новгородцев, да и не только он, видел в восстановлении не только правовой системы, но и тех нравственных начал и устоев народа, которые были нарушены. Стало быть, по Новгородцеву, нравственно-религиозные императивы, о которых рассуждали сторонники славянофильства, – это те истинно реальные и действительные, носящие онтологический характер предпосылки общества, государства и права в их единстве и различии¹⁸.

В этом смысле вполне по-современному, в контексте своеобразных элементов русской философии права звучат и наводят на определенные мысли слова выдающегося русского ученого: “Не разделение права, с одной стороны, и нравственности – с другой, как это провозглашает новая философия права, но новая, непосредственная связь права и нравственности и их предстояние пред более высоким религиозным законом образуют норму социальной жизни”¹⁹.

В современной философии права проблема соотношения права и морали составляет одну из важнейших ее сторон. Отношение к существованию и решению этой проблемы – своеобразная разграничительная линия, которая разделяет *позитивистов* и *не позитивистов* в теории и философии права. Можно спорить относительно религиозного элемента в обозначенной П.И. Новгородцевым проблеме, но вопрос о соотношении права и морали является “вечным”, и ответ на него пыталась и пытается дать философия права. Что бы ни говорили философы и теоретики права, а связь между правом и моралью существует на стадии как правотворчества, так и применения права. Этот факт и стремился донести до нас П.И. Новгородцев. В целом же его философия права – это составная часть нашего национального самосознания.

Т.Н. Радько, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук

П.И. Новгородцев на переломе XIX–XX вв. продолжил развивать идеи передовых мыслителей XVII–XVIII вв. (Г. Гроций, Б. Спиноза, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо) о том, что существует естественное право, вытекающее из природы человека как разумного существа. А разумное начало в личности, считал Новгородцев, есть ее автономное нравственное начало (В.Н. Жуков).

Представители школы естественного права утверждали, что это право вечно, неизменно, оно справедливо и разумно, поскольку его основой является человек. Причем это право не одного человека или одного народа, а оно присуще всем народам. Эти идеи импонировали Новгородцеву, он считал их несправедливо забытыми.

Нельзя не отметить, что П.И. Новгородцев исследовал различные проблемы философии права, правового государства, творческое наследие И. Канта и т.д., но в числе этих проблем явно выделяются его глубокий анализ, всесторонняя оценка теории естественного права, несмотря на то что первые попытки её исследования российской правовой мыслью были встречены с недоверием и даже с осуждением. Например, М.М. Ковалевский опубликовал статью “Враждебная школа естественного права”. Были и другие статьи

¹⁵ См.: Корнев В.Н. Указ. соч. С. 2220.

¹⁶ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001.

¹⁷ Новгородцев П.И. Восстановление святынь. С. 579.

¹⁸ См.: Корнев В.Н. Указ. соч. С. 2219.

¹⁹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 584 (Примечания).

(В.М. Гессен, Л.И. Петражицкий), которые Павел Иванович отнес к числу сомневающихся в ценности естественного права.

Сам же он считал, что в возрождении естественно-правовой идеи есть настоящая необходимость, этот феномен он объяснял живой потребностью, восстанавливающей “необходимое звено в известной системе понятий”.

Возрождение естественного права, по Новгородцеву, связано с тем представлением новых жизненных форм, которое направляет научную мысль “от настоящего к будущему”, поскольку жизнь постоянно уходит вперед и “требует для себя новых определений”.

Мысль человеческая, пишет П.И. Новгородцев, имеет свойство жить не только в настоящем, но и в будущем, способна переносить в него свои идеалы и стремления. Отсюда и требования лучшего, идеального, естественного права²⁰.

Естественно-правовая идея тесно связана с нравственной идеей, которая, по его мнению, в качестве идеала всегда императивна, она существует в личностном сознании и имеет абсолютную ценность. В системе социальных отношений она “приобретает форму естественного права, неизменной идеальной категории с меняющимся содержанием”²¹.

Поэтому можно вполне согласиться с его утверждением, что возрожденная теория естественного права есть надежная опора для правоведов, которые хотели бы уберечь нравственную основу права от влияния мелкой практики и односторонней теории²².

По Новгородцеву, естественно-правовые построения – это неотъемлемое свойство человеческого духа, доказательство его высшего предназначения.

Общество, которое перестало бы создавать новые идеальные построения, пишет П.И. Новгородцев, было бы мертвым обществом.

Развивая идею естественного права в новых исторических условиях, он говорит о ее двойственности в том смысле, что она покоится на практическом требовании более совершенного права и на “теоретическом наблюдении естественной необходимости известных правоположений”. При этом оба элемента не могут быть сведены один к другому. В первом случае естественное право ставится над положительным, во втором – является лишь частью положительного права²³.

Таким образом П.И. Новгородцев принципиально не противопоставляет естественное и позитивное право, не ставит между ними непреходимой китайской стены.

Известно, что у него было много учеников (И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев, Н.Н. Алексеев и др.). Они продолжали развивать идеи своего учителя. Например, И.А. Ильин писал, что естественное и позитивное право нередко дополняют друг друга. Основная задача положительного права, утверждал он, состоит в том, чтобы принять на себя содержание естественного права, развернуть его в виде ряда правил внешнего поведения, приспособленных к условиям

данной жизни и к потребностям данного времени, придать этим правилам смысловую форму и словесное закрепление... Положительное право есть целесообразная форма поддержания естественного права²⁴. В этих словах видится продолжение, углубление теории возрожденного П.И. Новгородцевым естественного права, понимание им роли права в жизни человека.

В.Н. Белов, профессор Сочинского института РУДН, помощник директора по международным связям, доктор филос. наук. В.А. Савальский как ученик П.И. Новгородцева

Прежде чем обратиться к краткому анализу существа взаимоотношения двух отечественных теоретиков права, необходимо пояснить, кто такой этот ученик известного русского философа, правоведа, организатора науки Павла Ивановича Новгородцева. К сожалению, мы до сих пор мало знаем о непростой судьбе и личности оригинального отечественного мыслителя, выпускника юридического факультета Московского университета, ученика Новгородцева Василия Александровича Савальского²⁵. Как мы узнаем из некролога, написанного другом Савальского Б.А. Вышеславцевым²⁶ в 1915 г., В.А. Савальский (1873–1915) родился на Кавказе в станице Прохладное Терской области. Сначала обучался в духовной семинарии Владикавказа, но затем, поставив себе целью поступить в университет, перешел в Кавказскую классическую гимназию, которую окончил в 1895 г. с золотой медалью. В том же году, поступив на юридический факультет Московского университета, Савальский и здесь остается одним из лучших студентов. Так, за свое студенческое сочинение “Учение Спинозы о праве и государстве” он получает золотую медаль. О его успехах в учебе и исследовательской работе в стенах университета свидетельствует и тот факт, что в 1899 г. он был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Здесь необходимо заметить, что в выборе наставника и учителя Савальский руководствуется уже сложившимися собственными интересами и предпочтениями. Так, несмотря на господствовавшие в конце XIX в. на юридическом факультете позитивистские настроения, он останавливает свой выбор на П.И. Новгородцеве, тогда еще малоизвестном молодом доценте, который придерживался идеалистических взглядов. По установившейся в отечественных университетах традиции начинающий ученый получает возможность на обучение и исследование за границей; в Гейдельберге он слушает лекции Куно Фишера и Еллинека.

По возвращении в Москву преподавал философию на коллективных курсах воспитательниц и учительниц, а затем руководил практическими занятиями по философии на возродившихся в 1900 г. Высших женских курсах. В 1902 г. Савальский успешно сдал магистерский экзамен и прочел две пробные лекции: “Понятие солидарности у Огюста Конта” и “Положение третьего сословия в идеальном государстве Платона”. В 1904 г. стал приват-доцентом Московского университета. В начале 1905 г. получил двухгодичную командировку за границу. Первый год он проводит в Берлине и Фрайбурге, затем едет в Марбург и Галле, откуда возвращается в Москву с материалами для диссертации. В 1908 г. он публикует свою монографию “Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Ко-

²⁰ См.: *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права. М., 1902. С. 250.

²¹ *Жуков В.Н.* Теория возрожденного естественного права. П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский // *История политических и правовых учений.* Учеб. В 3-х ч. / Под ред. О.В. Мартышина. Ч. III. М., 2012. С. 240.

²² См.: *История политических и правовых учений.* Учеб. для вузов / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1997. С. 598.

²³ См.: *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права. С. 251.

²⁴ См.: *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 58.

²⁵ См., например: *Иванников И.* Философско-правовое учение В.А. Савальского // *Историко-правовой часопис.* 2014. № 1 (3). С. 121–125; *Его же.* История философии права в России. М., 2014.

²⁶ См.: *Вышеславцев Б.А.* Василий Александрович Савальский // *Юрид. вестник.* 1915. Кн. XI (III). С. 163–167.

ген, Наторп, Штаммлер и др.”, которую в следующем году защищает в качестве диссертации. В 1910 г. Савальский избирается профессором Варшавского университета на кафедре государственного права, на которой и работает вплоть до начала Первой мировой войны. Кроме университета он преподавал также на Высших женских юридических курсах. Результат своих разработанных лекционных курсов он издает в 1912 г. под заглавием “Государственное право общее и русское. Конспект лекций” (на правах рукописи). После эвакуации Варшавы Савальский живет в Москве в семье своего друга К.К. Нофгафта и продолжает, несмотря на болезнь, работать над сочинением, которое начал писать еще в Варшаве (“Государство как предмет возможного опыта”). Судя по оглавлению, которое приведено Вышеславцевым, – фундаментальное сочинение, охватывающее и огромный исторический пласт проблемы, и проблемы конкретно-содержательного характера, связанные с темами определения понятия, взаимосвязи государства с культурой, правом и нравственностью. Работа над этой книгой была в основном закончена, однако опубликовать ее не удалось. Последовала неожиданная смерть автора от рака, а потом ввиду бурных социально-политических событий в истории России и вообще стало не до нее.

“Савальский был тяжелодум” и долго готовил свои исследования для публикации, поэтому их и не так много (можно сказать, что даже мало). В период подготовки своего главного опубликованного труда – магистерской работы “Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др.” (том первый; второй так и не был написан) у Савальского вышло лишь несколько кратких критических обзоров русских и зарубежных авторов, занимавшихся проблемами философии права. Здесь обращает на себя внимание статья “Введение в философию права”, напечатанная в журнале “Критическое обозрение” за 1907 г. Сравнительно небольшая статья содержит емкий и глубокий анализ 11 объемных исследований на русском и немецком языках.

Решающей для судьбы когеновского учения о праве в России оказалась полемика вокруг магистерской монографии В.А. Савальского²⁷ и рецензии на нее П.И. Новгородцева. Та уничижительная критика, которой мэтр подверг эту работу, не оставляла шансов ее автору для продолжения исследования философии права марбургского неокантианства. Фирменный разнос, который учинил авторитетный представитель русской философии права своему молодому коллеге, ставил, что называется, крест на возможности обстоятельной и результативной дискуссии по реальным проблемам в рамках трансцендентальной философии и оригинальным и продуктивным решениям этих проблем в рамках когеновской системы трансцендентальной философии. Следует сразу сказать, что Новгородцев в своем неприкрыто враждебном отношении к монографии Савальского продемонстрировал нелучшие как человеческие, так и профессиональные качества. Создает стойкое убеждение в том, что агрессивно-негативный пафос философа был обусловлен критической в целом позицией Савальского в отношении своего учителя. Творческие пути двух русских мыслителей очевидно расходятся, но вместо того, чтобы попытаться понять этот свершившийся после выхода монографии факт, Новгородцев

принимает решение уничтожить своего ученика, что ему с успехом и удается сделать. Не спасли Савальского и положительные в целом рецензии некоторых других отечественных авторов²⁸, не имевших, к сожалению, такого авторитета в научных кругах России, какой был у П.И. Новгородцева.

Обращает на себя внимание отрывочность, непоследовательность и двусмысленность оценок Новгородцева самих этических построений Когена.

Представляется, что есть еще одна скрытая причина таких обвинений Новгородцева: критика Савальским баденской школы неокантианства, к которой относят и самого Новгородцева. В этой, пусть и сумбурной, полемике двух российских философов права впервые и единственный раз в истории русской философии было явлено противостояние двух неокантианских школ. В целом же русское неокантианство выступало всегда единым фронтом, потому что был общий достойный противник, который доминировал в философском пространстве России, а именно – русская религиозная философия.

Следует отметить и то, что все основные недостатки фундаментального исследования Василия Савальского так или иначе связаны с тем, что, рассматривая философскую систему главы марбургской школы неокантианства, он ввиду отсутствия у Когена заключительной части его системы, а именно – философии религии, не смог верно представить во всем его противоречивом объеме два центральных понятия как этической, так и религиозной части систематических построений марбургского неокантианца, а именно – понятия Бога (идею Бога) и человека (индивида).

С.В. Липень, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук. П.И. Новгородцев – представитель науки истории учений о праве и государстве

Павел Иванович Новгородцев стоит в первом ряду целой плеяды российских мыслителей-юристов начала XX в., благодаря которым мы гордимся своим научным наследием – дореволюционной российской юриспруденцией. П.И. Новгородцев известен как представитель идей либерализма и правовой государственности, религиозно-нравственной философии права и “возрожденного” естественного права.

Сегодня замечательное время для изучения отечественного юридического наследия, о чем свидетельствуют состоявшиеся в феврале-марте в Москве научные конференции, посвященные 150-летию именам Е.В. Васильского и П.И. Новгородцева. К настоящему времени переизданы наиболее значимые труды, есть и критические работы об их научных взглядах.

²⁸ На работу Савальского с “положительными и нейтрально-положительными рецензиями и отзывами выступили русские марбургцы (Фохт, Саккетти, Вышеславцев) и философы, симпатизирующие марбургской школе (Яковенко)” (см.: *Дмитриева Н.А.* Русское неокантианство: Марбург в России. Историко-философские очерки. М., 2007. С. 213). Так, в частности, Б. Фохт оценил работу Савальского как первую попытку “подвергнуть обстоятельному исследованию целый ряд важнейших философских проблем в той их форме, как они ставятся и разрешаются в произведениях представителей различных направлений неокантианского движения, и прежде всего в трактатах главы и родоначальника всего этого движения Германа Когена” (см.: *Фохт Б.* Рец.: В.А. Савальский. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1. М., 1908 // Критическое обозрение. Вып. 2. М., 1909. С. 73, 74).

²⁷ Показательным для отношения отечественных исследователей к марбургской школе является тот факт, что монография Савальского (“Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др.”. Т. 1. М., 1908) оказалась единственной об этой школе неокантианства на русском языке в первой половине XX в.

За последнюю четверть века появилось несколько десятков публикаций с исследованием творчества П.И. Новгородцева. Подвергаются изучению и популяризации разные идеи русского ученого о праве и государстве: “проблема соотношения естественного и позитивного права”, “нравственное обоснование права”, “идеи свободы и равенства”, “власть и право”, “концепция правового государства”, “концепция государства общественного благополучия”, “концепция демократии”, “соотношение формального и материального источников права”, “проблема прав человека”, “концепция православного правосознания”, “общественный идеал”, “идея нравственного прогресса” и др. (из названий современных публикаций о научном творчестве П.И. Новгородцева). Но вопрос о вкладе ученого в исследования истории политико-правовых идей остается практически не изученным.

Следует отметить, что преемственность в развитии отечественной истории политических учений восстановлена не вполне, до сих пор наблюдается определенный интеллектуальный разрыв в части полноценного использования нашего исторического опыта. Идеи П.И. Новгородцева, его оценки исторических мыслителей и отдельных правовых школ, общие подходы к построению курса практически не известны современной истории политических и правовых учений. Такое положение дел нельзя признать удовлетворительным, в особенности с учетом относительной немногочисленности авторов начала XX в., писавших об истории политико-правовых идей, и того объема, в котором историко-политическая проблематика нашла отражение в творчестве П.И. Новгородцева. Перу ученого принадлежат диссертационные исследования об исторической школе права (магистерская диссертация) и о политико-правовых взглядах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля (докторская диссертация). В 1898 г. издан курс лекций “История новой философии права” (переиздания с изм. и доп. в 1899 и 1900 гг.). Далее последовали “Лекции по истории философии права. Учения нового времени. XVII–XVIII вв.” (1910, переиздания в 1912, 1914, 1918 гг.), “Очерки по истории философии права. Политические идеалы Древнего и Нового мира” (1910–1913 гг., переиздания в 1914, 1919 гг.).

Вклад П.И. Новгородцева в изучение истории политико-правовых идей еще только предстоит оценить. Отметим кратко отдельные особенности подходов ученого к решению ряда методологических проблем построения курса истории правовых идей. Прежде всего в курсе не ставится задача дать подробную историю учений, речь идет о том, чтобы “выдвинуть главные и основные идеалы, около которых сосредоточиваются построения отдельных мыслителей”; в авторских представлениях такими идеалами являются для древнегреческой мысли – абсолютная автаркия, для средневековой – абсолютная теократия, для новой – правовое государство. В такой линии развития политико-правовых идей проявились либеральные политические воззрения мыслителя.

В рамках современной истории политических и правовых учений рассматриваются также имеющие методологическое значение вопросы о взаимосвязи политико-правовых идей и практики, о соотношении исторического и логического в истории правовой мысли и т.д. Небезынтересны рассуждения П.И. Новгородцева о разных вариантах соотношения политико-правовой науки и практической жизни; так, возможны две крайности – макиавеллизм и утопия. Первый предполагает полное подчинение мысли соображениям политической практики, во втором случае, наоборот, мысль отрывается от практики.

Методологические идеи П.И. Новгородцева о соотношении исторического и логического в истории правовой мысли с точки зрения аргументации, основных выводов, стилизирования вполне современно звучат и сегодня, несмотря на повторную разработку этого вопроса в литературе 70-х годов XX в.

Таким образом, идеи П.И. Новгородцева вполне актуально могут восприниматься и современными исследователями; с точки зрения восстановления преемственности научного знания отечественное юридическое наследие нуждается в постоянном внимании.

Г.Ф. Гараева, зам. директора по научной работе Северо-Кавказского филиала РГУП (г. Краснодар), доктор филос. наук, проф. Анализ нравственной оценки права в творчестве П.И. Новгородцева

Рассуждения о нравственной оценке права, ее целесообразности и необходимости занимают важное место в творчестве выдающегося русского теоретика и философа права, общественного и политического деятеля, историка правовых и политических учений Павла Ивановича Новгородцева. Нравственная оценка права рассматривалась им в контексте неразрывной связи с естественным типом правопонимания и его исторической судьбой. П.И. Новгородцев расценивал нравственную оценку права как сущность критических стремлений естественного права. Он называл “присущее людям стремление к нравственной критике положительных установлений” одним из двух важнейших мотивов существования естественного права наряду с поиском “высших и последних оснований права”²⁹. Неразрывная связь нравственной оценки права и естественного права не случайна, ведь представители естественно-правовой школы отстаивают мысль, что “право служит не только для достижения практических целей, но и удовлетворению высших моральных требований”³⁰. Таким образом, без признания права как явления нравственного мира его нравственная оценка не может быть признана необходимой и законной.

Однако на рубеже XIX–XX вв. сторонники позитивистского подхода к праву, а более всего представители исторической школы права выступили с “разгромом” естественно-правовых идей, отвергли их как несостоятельные. Идеальные представления о правовой норме, нравственная оценка и критика права стали рассматриваться в обществе как излишние, а то и вредные. Это способствовало тому, что исчез нравственный критерий для оценки положительного права. Такой поворот событий не прошел бесследно и способствовал кризису правосознания, о котором говорил в своих трудах П.И. Новгородцев. Он же показал неразрывную связь кризиса правосознания и отказа от признания нравственных оснований и нравственной оценки права.

Подчеркивая неразрывную связь права и нравственности, П.И. Новгородцев отмечал включенность права в область нравственных стремлений и моральных целей, показывая в то же время автономность права, его несводимость к нравственности. Важнейшей формой взаимодействия права и нравственности он считал нравственную критику правовых установлений, рассматривая ее как живой механизм, раскрывающий объективную взаимосвязь права и нравственности. Обладая разумом, рефлексивной природой, человек не может отказаться от критического подхода к праву, а буду-

²⁹ Новгородцев П. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба // Немечкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 9, 10.

³⁰ Там же. С. 11.

чи наделен нравственным сознанием, не может не подвергать положительное право нравственной критике и оценке. П.И. Новгородцев подчеркивал, что “успех действия права в жизни вообще обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается или в мертвую букву, лишённую жизненного значения, или в тяжкое бремя, сносимое против воли”³¹. П.И. Новгородцев акцентирует внимание на том, что нравственная оценка права так же, как и нравственность в целом – явление внутренней жизни, психическое переживание человека. Нравственная оценка не тождественна официальному отношению к праву, не относится к разряду публичных заявлений государства. Это – явление индивидуальное, определяющее содержание правосознания личности.

Предпосылки к нравственной оценке права заключаются как в самой природе человеческой деятельности, нуждающейся в критически-рациональном осмыслении и совершенствовании, так и в особых свойствах права, так как, например, право, устанавливая в обществе ограничения, отвечающие нравственным стремлениям людей, может тем самым и само оцениваться с нравственной точки зрения. Право всегда характеризуется определенным несовершенством также в силу общего характера устанавливаемой нормы, не способной учесть многообразие конкретных случаев. К тому же, отмечает П.И. Новгородцев, став письменным, право утрачивает способность гибкого регулирования общественных отношений, и в этом плане подвижное нравственное сознание стимулирует его дальнейшее развитие.

Нравственная оценка права, с его точки зрения, – это специфическая особенность нашего суда над правом, которая проявляется именно в нравственном его измерении. В этом отличие, например, от оценки целесообразности, также применяемой к праву, но используемой и по отношению к объектам внешней природы. П.И. Новгородцев в своих рассуждениях об особенностях нравственной оценки права рассматривает ее как один из основополагающих принципов естественного права, следование которому объективно необходимо и забвение которого не проходит бесследно для общества и правовой сферы.

Л.В. Лукьянчикова, докторант кафедры истории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. ист. наук, доц. П.И. Новгородцев о непосредственном народовластии и проблемах его осуществления

Политико-правовые воззрения П.И. Новгородцева на проблему народовластия в настоящее время весьма востребованы, что обусловлено поиском в отечественной науке национальной идеи и конструирования “общенародной” модели политического развития, согласованной с органикой российской почвы и адекватной существующим вызовам цивилизации. Особый интерес представляют взгляды мыслителя на осуществление политической демократии путем ее непосредственных форм, призванных, по его мнению, должным образом обеспечить открытый режим функционирования публичной власти.

В ходе обстоятельного анализа проявления народной инициативы и ее учета в управленческой практике стран Европы, США и России конца XIX – начала XX в. П.И. Новгородцев констатировал, что в государствах с наиболее развитыми демократическими формами народная воля по-прежнему определялась волей немногих, стоящих на вершине государственной власти. Этому способствовали, считал он, име-

ющиеся “несовершенства” политической демократии, как изначально заложенные в правовой механизм ее регулирования, так и явившиеся следствием ее реализации. В этой связи значительной критике ученый подверг гражданскую инертность, проявляемую в большей степени при проведении выборных процедур и формировании общественного мнения. Относительно пассивного отношения социума к голосованиям П.И. Новгородцев свидетельствовал, что, несмотря на усилия законодателей разными способами мотивировать общественность на участие в выборных кампаниях, проблема абсентеизма остается не решенной. Анализируя соответствующую статистику, мыслитель резюмировал, что ни существенная демократизация избирательного права, ни введение штрафных санкций за игнорирование процедуры голосования не снизили число воздерживающихся от подачи голоса. При формировании общественного мнения, указывал ученый, пассивное согласие широких общественных кругов с господствующими идеями приводит к тому, что из политической области уходят лучшие умы, а это поприще занимают профессионалы, делающие из политики ремесло и средство к жизни.

Признание П.И. Новгородцевым политических партий в качестве лучших форм лоббирования социальных интересов не исключало, однако, его объективной оценки функционирования данных учреждений, которые, с точки зрения философа, нередко преследуют лишь корпоративные интересы. Во многом этому способствует, полагал он, введение системы пропорционального представительства, затрудняющей возможность избрания независимых кандидатов, не поддерживаемых партийными организациями.

Осуществление идеала чистой и бесспорной народной воли, по Новгородцеву, априори невозможно, однако стремление к этому жизненно необходимо. Для преодоления подобных искажений, по его мнению, следовало, с одной стороны, дать свободу развития форм внепарламентской народной инициативы, с другой – обуздать всевластие и произвол большинства. Конкретное разрешение данной дилеммы должно заключаться, согласно воззрениям философа, в “политическом воспитании народа” посредством расширения социального законодательства, введения бесплатного обучения, повышения материального благосостояния и расширения круга политических прав граждан с превалированием референдума как ведущего института народовластия.

П.И. Новгородцев не призывал к механическому заимствованию демократических институтов. Более того, он заключал, что совершенство политических учреждений определяется нравственными и умственными силами каждого народа, накопившего собственную практику вовлечения социума в принятие общезначимых решений.

Отдельным вопросом в наследии П.И. Новгородцева стоит перспектива становления демократических начал в России. Ученый подчеркивал, что к России неприменимы “чужие мерки”, ей надо стараться помочь “идти своим путем для блага и своего собственного, и всего человечества”, тем более что она богата своими традициями народного самоуправления. В качестве показательного примера ученый приводит опыт вечевых собраний Древней Руси и собраний крестьянского “мира”, где основным принципом решений являлось единогласие, т.е. то конкретное воплощение искомой формы (со времен Ж.-Ж. Руссо) естественного согласия меньшинства с большинством после ознакомления всех с общей волей.

К общим рекомендациям совершенствования институтов народовластия применительно к России П.И. Новгородцев

³¹ Там же.

вым настоятельно проводится мысль о том, что свобода в государстве утверждается на почве законного порядка, охраняемого властью, а Россия и русская культура выше партий и политических догм, выше своих особых интересов и стремлений – личных, групповых или классовых. Особое значение в этой связи мыслитель придавал ответственности, как общественной, так и находящихся у власти лиц. Дело не в том, резюмировал философ, чтобы власть была устроена непременно на каких-то самых передовых началах, а в том, чтобы эта власть взирала на свою задачу как на дело Божие, чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения. Должен образоваться крепкий духовный стержень жизни, писал автор, на котором все будет держаться, как на органической своей основе.

Осознание отечественной философско-правовой традиции сегодня весьма актуально. Полное отмежевание от предшествующего наследия внедряемой во все сферы жизнедеятельности либеральной системой ценностей в постсоветском пространстве так и не вывело в России за несколько десятилетий универсальную формулу гражданского и государственного сотрудничества. Разрыв преемственности базовых ценностей и утрата культурных традиций способствовали радикализации социальных настроений, порождению всплеск насилия и общественного раскола. Культивирование в стране идеи индивидуализма как первичной основы гражданского общества “западного образца” не оправдывает себя в должной степени и не находит поддержки у населения, а политические партии так и не стали настоящими проводниками воли избирателей. В этой связи проблема осуществления народовласти, сформулированная П.И. Новгородцевым, позволяет прогнозировать реальные перспективы создания демократического и эффективного механизма гражданской самоорганизации, способной обеспечить России стабильное функционирование и прогрессивное развитие.

Н.А. Шавеко, аспирант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Общественный идеал П.И. Новгородцева

П.И. Новгородцев является выдающимся русским юристом, значение которого для философии права не меньше, чем Р. Штамmlера или Г. Радбруха. Одновременно своей общественной деятельностью он смог продемонстрировать, как абстрактные философские формулы применяются в конкретной действительности.

Идея “вечного совершенствования”, пришедшая на смену “утопиям земного рая”, до сих пор сохраняет свою актуальность. Концепция абсолютного и относительного общественных идеалов основана в своих главных чертах на учении Р. Штамmlера. По мнению Новгородцева, личность как абсолютный идеал – это не только родовое, но и индивидуальное существо³². В этом видится скорее прояснение, чем дополнение идей Канта, ибо максима уважения индивидуальности вполне согласуется с категорическим императивом. В любом случае прогрессивное развитие идей Канта у Новгородцева состоит в том, что Кант не распространял принцип равенства на женщин и слуг.

Общественный идеал Новгородцев выражает в понятиях свободы и равенства. Свобода, по его мнению, должна пониматься не только в отрицательном (устранение препятствий), но и в положительном ключе (создание возможностей); нужно “обеспечить для каждого возможность

человеческого существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно”³³. Равенство, в свою очередь, должно пониматься не как равенство всех перед законом, а как “равенство возможностей или равенство исходного пункта”³⁴.

Право на достойное существование отрицает только крайне несправедливые условия, в остальном же остается не конкретизированным. П.И. Новгородцев некритично приводит мнение В.С. Соловьева, согласно которому человек должен пользоваться досугом для духовного совершенствования. Заметим, однако, что наличие такового еще не гарантирует равенства возможностей.

Оценивая теорию общественного идеала Новгородцева, нельзя не задаться вопросом: где именно находится и в чем состоит тот исходный пункт, равенство в котором отстаивает отечественный ученый? Ведь то что мы имеем здесь и сейчас (земля, капитал, способность к труду, знания и умения), и является нашими возможностями для будущих действий. Не означает ли равенство возможностей одновременно тотальное равенство не только в имуществе, но и, например, в информации? На это либеральные мыслители ответят, что равенство должно быть только в самой возможности заработать деньги для приобретения имущества, получить образование. Но какова мера этого равенства, каков, например, размер стартового капитала (хотя бы в виде доступного кредита), которым нужно обеспечить человека, чтобы он мог начать свой бизнес и занять место на рынке среди конкурентов?

Абсолютное равенство возможностей слишком сильно напоминает социалистический идеал обобществления средств производства (на последнем, кстати, и настаивал критиковавший П.И. Новгородцева неокантианец социал-демократического толка С.И. Гессен, который считал недостаточными постулаты неоллиберализма³⁵), а относительное равенство или относительный минимум возможностей нуждаются в научно обоснованной мере (понятие минимума, писал С.И. Гессен, является краеугольным для неоллиберализма³⁶). Если же мы говорим лишь об опасности крайнего социального расслоения, то на это указывал еще Аристотель, и мы не высказываем ничего нового.

Принцип личности, идеалы свободы и равенства у Новгородцева касаются в большей мере справедливости обмена. Но справедливость должна также ответить на вопрос о допустимом распределении благ, которое не шло бы в ущерб прогрессу. Свобода и равенство сами по себе не дают критериев распределения. Новгородцев отказывается подробно разбирать вопрос о перераспределении благ со ссылкой на то, что этот вопрос зависит всегда от конкретных условий; таким образом, он лишь обозначил проблему, но не раскрыл ее.

П.И. Новгородцев утверждает права человека второго поколения. В то время проблема прав человека третьего поколения еще не существовала. Но именно современные экологические проблемы, связанные с третьим поколением прав, ставят вопрос разумной жертвы ради будущих поколений. Новгородцев отвергает коммунизм, призывающий отдать всё ради будущего, но не учитывает противоположной крайности. Сегодня решение экологических проблем и учет

³³ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания // Новгородцев П.И. Избр. труды. М., 2010. С. 301.

³⁴ Там же. С. 316.

³⁵ См.: Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Гессен С.И. Избр. соч. М., 1999. С. 136.

³⁶ См.: Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Там же. С. 198.

³² Общество – это только средство для развития и раскрытия личности (см.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 459).

интересов последующих поколений рассматриваются как непрменный атрибут справедливого устройства общества (Дж. Ролз, О. Хёффе).

С.И. Гессен критиковал неолиберализм Новгородцева за то, что тот отрицает дальнейшую “социализацию” и не хочет бороться против превращающего человека в товар “духа капитализма”³⁷. На наш взгляд, проблема, о которой писал С.И. Гессен, существует, и она действительно серьезная. Однако дискуссионным остается вопрос: насколько решению данной проблемы будет способствовать обобществление средств производства в духе гильдейского социализма, как это видел автор?

В конце жизни П.И. Новгородцев допускает в своем творчестве сильный религиозный оттенок. Как представляется, ученый лишь облек свои прежние взгляды в религиозный язык, но ни в коем случае не изменил их³⁸.

А.Л. Табаков, аспирант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. *Нравственные принципы в учении П.И. Новгородцева*

Неокантианская методология при исследовании правовых проблем активно разрабатывалась рядом известных отечественных мыслителей в конце XIX – начале XX в.³⁹ Одним из первых исследователей данной проблематики является П.И. Новгородцев, известный как решительный поборник нравственного идеализма в философии права.

Как правило, Новгородцев излагает свои взгляды сквозь призму анализа философских и правовых школ. Так, его представления об онтологическом статусе нравственных принципов можно обнаружить там, где он критически анализирует основные положения исторической школы права. По мнению Новгородцева, большинство исследователей, ру-

ководствующих историческим методом, допускают явную ошибку в отношении ценностей и идеалов. Рассматривая их с точки зрения содержания в различные эпохи, указанные авторы делают вывод о том, что наблюдаемая в истории изменчивость человеческих идеалов свидетельствует о том, что они (идеалы) относительно по своей сути. Эта ошибка, как указывает Новгородцев, основана на игнорировании философского разграничения вопросов о временном развитии и внутреннем значении. Она абсолютно закономерна для исторической методологии, которая ориентирована исключительно на анализ эмпирической действительности в ущерб метафизическим вопросам, к числу которых относится и проблема автономии человеческой личности⁴⁰.

Аналогичным образом Новгородцев критикует и тех исследователей, которые опираются на социологический метод: рассматривая право и мораль как общественные и исторические явления, данные авторы необоснованно приходят к выводу о том, что сфера нравственности полностью детерминирована социальной средой и историческим развитием⁴¹. П.И. Новгородцев настаивает на необходимости изучать нравственность не только как историческое и общественное явление, но и как внутренне-психическое индивидуальное переживание, как норму или принцип личности. Таким образом, философ призывает к подлинно философскому осмыслению общественных явлений, иными словами, – к возрождению естественного права⁴².

**Материалы “круглого стола” подготовила
Наталья Викторовна Кроткова, зам. главного
редактора журнала “Государство и право”,
канд. юрид. наук (E-mail: krotkova2012@yandex.ru)
Natalya Krotkova, Vice-Editor-in-Chief of journal “State
and Law”, PhD in Law (E-mail: krotkova2012@yandex.ru)**

³⁷ Там же. С. 206, 229.

³⁸ См.: *Валицкий А.* Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 413, 414.

³⁹ Детальное исследование взглядов отечественных философов-неокантианцев см.: *Фролова Е.А.* Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М., 2013.

⁴⁰ См.: *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 240.

⁴¹ См.: там же. С. 268.

⁴² См. подробнее об этом: *Жуков В.Н.* Философия права П.И. Новгородцева. М., 2004.